

Людей здесь все еще было достаточно — как и везде в эту ночь в Императорской столице, — но большая часть их все же стремилась к главным улицам, поглядывая на богатый паланкин со знаками императорской семьи, с удивлением. Зачем ему было ехать в сторону, где начинался мрак и холод будто становился все нетерпимее? Но ни слуги, ни стражники принцессы не выказывали по этому поводу и тени недовольства, словно только так поступать и следовало, потому и простым людям оставалось, пожав плечами, молча соглашаться с происходящим.

Лишь сопровождающие у самого экипажа принцессы были веселы. Они ехали перед паланкином, тогда как за ними на тонконогих лошадях ехало несколько сянббийцев, лица которых были закрыты. Нужно сказать, что создавали они вокруг всей колонны ауру еще более неприступную. Слуги принцессы с улыбками отвечали на поздравления, что ей вслед кричали простые люди; гвардейцы выглядели сурово, но надежно; сопровождающие перед экипажем тихо переговаривались между собой с выражениями такими, словно задумали какое-то злодеяние. Лишь сянббийцы молчали, будто единственные понимали важность происходящего.

Пятый принц не видел суровых выражений их грубых лиц, наполовину скрытых отрезами черной ткани. Он вообще сомневался, видел ли этой ночью хоть что-то — кроме сияющих подобно теплым фонарям родного дома яшмовых глаз рядом с собой. Выражение их было игривым, но внимательным, в уголках собрались смешливые морщинки, а ресницы ленивым полетом напоминали крылья бабочки. Быть может действовала так на впечатлительную душу Пятого принца ночь, в объятьях которой любые чувства обостряются, может отблески фейерверков, скрывающих с чужого лица и болезненную бледность, и усталость, а может и сам он был повинен с мягкосердечности. Но можно ли быть безразличным к красоте? А к словам, что сладки, словно мед, но в тоже время остры, как сычуаньский перец?

— Ваше Высочество так говорит о деяниях великих людей, словно они ваши современники, — улыбаясь краешками тонких губ, говорил господин Ли. Фу Ичжэнь не помнил уже, как начался этот разговор, пусть в каждое слово вслушивался внимательно. Да-да, он точно помнил их все: и ту бессмыслицу, сказанную с язвительной улыбкой; и вопрос, на котором голос Ли Инчуня стал чуть выше обычного; и тихий его, мурчащий смех, идущий будто из самой души. — Не следует судить великих учителей тем же мерилom, что и своих соучеников. Должно проявлять уважение к их заслугам...

— Говоришь так, но едва ли при случае прислушаешься к собственным словам, — с улыбкой отвечал Пятый принц. К его чести следует отметить, что не только он тут забыл о месте и времени: вокруг молодых людей, небрежно отринувших необходимость держать между друг другом дистанцию, в эту стылую ночь цвела весна, наполненная яркими красками и дерзкими ароматами. Такими дерзкими, что невольно гореть начинали щеки. — Представь: у тебя есть учитель, который дожил до почтенного возраста, но едва ли чего-то достиг.

— Отчего он мой учитель? — тут же спросил господин Ли. — Я бы не стал почитать такого человека.

— Он учил тебя грамоте в раннем детстве, когда еще знал больше тебя, но теперь уже в своем возрасте ты слышишь в его словах ошибки, — ловко исправился Фу Ичжэнь.

— Хорошо, такое я могу представить, — кивнул Ли Инчунь, явно внимательно вслушиваясь в условие диковинной задачки.

— Станешь ли ты его уважать?

— Смотря что подразумевать под уважением, — поняв, куда Пятый принц клонит, скривился

господин Ли. — Я не стану в лицо говорить об его глупости, но не стану и слушать советов... Это подходит под «уважение»?

Фу Ичжэнь, этот юноша, которого многие называли образцом порядочности и примером для своих братьев, махнул рукой:

— Вполне. И вот представь — этот человек умер.

— Как трагично, — без всякого выражения ответил Ли Инчунь. Пятый принц продолжал:

— Теперь он, выходит, твой почтенный предок, и ты должен проявить уважение к его заслугам. Станешь ли ты в таком случае выполнять все то, что он в предсмертном бреду тебе насоветовал?

— Я доподлинно знаю, что этот человек был глуп, потому стану проверять его суждения. Кроме того, — склонил голову господин Ли. — У него нет никаких заслуг, к которым можно было бы проявить уважение. Стану ли я поносить его? Нет. Но и следовать каждому слову тоже не буду.

Фу Ичжэнь покачал головой:

— Твой почтенный учитель на небесах от гнева вырвал бы себе всю бороду.

Ли Инчунь, что метил в советники Императора и некоторыми уже был окрещен подающим надежды праведным молодым господином, лишь отмахнулся:

— Какое мне до того дела, пока он мертв, а я жив? У Желтой реки пусть поколотит меня, когда придет время, но портить собственную жизнь из-за старческого высокомерия я не стану.

Пятый принц мог только посмеиваться тому, с какой легкостью господин Ли отказывается от своих слов, или изворачивает их так искусно, что они приобретают совсем иной смысл — словно умелая вышивальщица. Игривость его, ложь и правда были столь же пьянящий, как пряное вино, и ярким вкусом Фу Ичжэнь все никак не мог насытиться.

Улица шла в гору, к Императорскому дворцу, и словно русло реки, что упорно взбирается к горной вершине, становилась все уже. Яркие алые фонари гроздьями висели меж высоких балконов и на скатах укутанных снегом крыш, но стоило отвести взгляд от них — и мир рассыпался мраком. Казалось, в темных окнах, на порогах домов и в узких переулках между каменными стенами прячется кто-то недобрый, наблюдает за движущейся мимо колонной внимательными глазами. Взгляд его холодом можно было ощутить меж лопаток.

В какой-то момент улицу разрезала каменная арка, что один городской район отделяла от другого. На ней висела табличка с простыми иероглифами. Чтобы проехать здесь, стражникам пришлось отойти от боков повозки Ее Высочества, и только тогда экипаж, поскрипывая, протиснулся. Крыша его задела одно из украшений на высоком пороге ближайшего дома, что-то треснуло и бумажный фонарь упал на припорошенную снегом землю. Ни слугам, ни гвардейцам, сосредоточенным на вдруг объявившей город тишине, не было до этого дела.

Повозка Первой принцессы только выехала из-под каменной арки и стражники вновь ровно построились у нее, когда вдалеке, у окончания улицы, показались конные всадники. Не разглядеть было из-за расстояния и завесы снега отличительных знаков на их одеждах, но и далекие тени выглядели недружелюбно.

— Вряд ли они просто хотят проехать мимо, — с сомнением сказал господин Ли, глядя на медленно приближающиеся силуэты. Трудно было назвать точное их количество, но Ли Инчунь видел как минимум двадцать лошадиных голов, разъяренно выдыхающих белый пар.

— Кажется, праздник для нас закончился, — вздохнул Пятый принц в ответ и уже громче приказал гвардейцам: — Поворачиваем налево. Пусть часть людей останется, чтобы выяснить, что этим воинам надо, остальные — охраняйте принцессу.

К счастью, на улице еще были места, куда роскошный экипаж Ее Высочества мог бы протиснуться. Стражники не стали спорить с Его Высочеством и главный среди них принялся коротко командовать своими людьми. Паланкин неловко завернул в сторону и поехал чуть быстрее: слугам рядом с ним пришлось идти скорым шагом. Некоторое время колонна ехала в тишине, в которой слышались лишь отдаленные взрывы праздничных фейерверков и через скаты крыш иногда долетали цветные искры — словно из другого мира. Затем сзади, где были оставлены несколько гвардейцев, послышался лязг оружия и крики.

Тут же среди сопровождающих Первую принцессу пронеслись испуганные шепотки: разве в самом деле возможно, чтобы на людей Императора, в самом центре столицы... Однако в морозном мареве не было времени переживать об этом.

— Удачно, что улицы тут узки и запутаны, — сказал господин Ли. — Насколько я помню, чуть дальше должна быть площадь с фонтаном... От конных всадников экипажу все равно не убежать, потому пусть отправляется туда и ждет. Мы же постараемся увести их в другую сторону.

— Думаешь, здесь только эти люди? — спросил Пятый принц, бодро раздавая приказы. Ли Инчунь зябко качнул плечами:

— Не знаю. Проверим, насколько они дерзкие и скольких решились собрать.

Паланкин Ее Высочества медленно повернул в один из переулков, где протиснуться мог с трудом, и скрылся там: десяток гвардейцев и Пятый принц с господином Ли остались ждать. Поглядев на все еще кутающегося в меховую накидку Ли Инчуня, Фу Ичжэнь спросил:

— Справишься, если придется убежать? В седле, кажется, господин Ли чувствует себя не так уверенно, как с каллиграфической кистью.

— Конечно: я ведь ученый, а не воин, — отозвался Ли Инчунь. Выпитое прежде вино румянцем легло на его скулы и во взгляд привнесло азарт, за каким обычно молодой человек не был замечен. Теперь, казалось, сложившаяся гадкая ситуация его даже радовала. Пятый принц не мог проигнорировать предвкушения в чужих чертах.

— Не будь только слишком яростен, а то нам не останется врагов, — с улыбкой сказал он. Издали слышались глухой топот копыт приближающихся всадников.

— Вашему Высочеству бы все шутить, — покачав головой, отозвался господин Ли. Крепче взявшись за поводья — поскольку в самом деле в своем искусстве верховой езды имел основания серьезно сомневаться, — Ли Инчунь с высокомерными нотками добавил: — Сосредоточьтесь на врагах, мой принц. И постарайтесь защитить меня.

Фу Ичжэнь ухмыльнулся и громче, чем следовало, чтобы преследователи точно услышали, скомандовал:

— Вперед! Защитите Ее Высочество!

Едва ли даже в темных переулках императорской столицы, которые слов дым благовоний окутал снег, можно было не заметить, что экипажа Первой принцессы нет впереди: но у Фу Ичжэня и господина Ли еще осталось некоторое время, прежде чем преследователи поняли бы неладное. Этим временем молодые люди планировали воспользоваться, чтобы увести неприятеля как можно дальше от паланкина — а далее было бы время решить, как поступить. Едва ли ведь даже самые бесстрашные воины решились бы напасть на Пятого принца и его сопровождающих, верно?.. Впрочем, если решились атаковать экипаж Первой принцессой, что и положением, и репутацией обладала куда более влиятельными... Оставьте, никто из присутствующих, выдыхая сквозь плотно сжатые зубы теплый пар, не хотел задумываться над этим.

Погоню нельзя было назвать стремительной, — все же, извилистые улочки и низкие крыши домов серьезно тормозили конных воинов, — но содержалось в ней и напряжение, за которым оставлены были шутки и праздные пересуды. Лишь это помогло господину Ли сохранить достоинство: сидя верхом, он ощущал, как от раненной ноги по хребту до затылка растекается боль, и руки, слабые от болезней и ран, дрожат, сжимая поводья. Если бы враги принялись преследовать их на открытой местности, Ли Инчунь предпочел бы сам остановиться и спешиться: прежде, чем позорно упадет с лошади. Или он пересел бы к Пятому принцу: обняв его за крепкую талию и надеясь, что бесстыдные мысли не помешают Его Высочеству управляться с лошастью. Господин Ли, что единственный сейчас был погружен в бесстыдные мысли, отвернулся от силуэта скачущего чуть впереди Фу Ичжэня и постарался сосредоточиться на происходящем.

Топот копыт сзади становился все отчетливее. Становилось ясно, что долго люди императора не смогут убежать и Пятый принц решил остановиться на одной из узких площадей. Места тут было достаточно лишь для того, чтобы встать плечом к плечу, едва ли верхом здесь можно было даже подумать о сражении. Императорские гвардейцы выступили вперед, сурово обнажив клинки, а Пятый принц встал за ними, постаравшись принять самую величественную позу из всех, какие он знал. Господин Ли встал за ним: круп его коня почти прижался к стене, а сам юноша оказался под крышей дома, потому заметить его мог бы только человек крайне внимательный. Бумажный фонарь, уже погасший, ткнулся в висок Ли Инчуню и он, несколько раз оттолкнув его, все же снял украшение и прикрепил к своему седлу: перед таинственным врагом господин Ли не хотел бы предстать со склоненной от тычащего в нее фонаря головой. Как и Пятый принц, Ли Инчунь желал хотя бы на краткий миг смутить нападавших своим образом.

Очень скоро цокот копыт стал так громок, что долетать должен был, казалось, до самого Императорского дворца: к несчастью присутствующих снег глушил любые звуки и жили они только в пределах маленькой площади. К ожидающим гвардейцам спешно выбежали около двадцати конных всадников, облаченных в черные одежды без знаков отличия. На лица их бросали темные тени шлемы с алыми перьями, из-за которых не разглядеть было черт лиц. Видно было, однако, что все мужчины как на подбор высокие и крепкие, обладающие телами воинов. Это было не хорошо.

— Кто вы такие? — гордо, высокомерно спросил Пятый принц. Выглядело это, на самом деле, чуть противоречиво из-за того, что Его Высочество оставался за спинами своих гвардейцев — но кто бы в самом деле мог обвинить его? Изо ртов преследователей и сквозь удила их коней вырывался в морозный воздух густой пар, что напоминал в далеких отблесках алых праздничных фонарей огонь преисподней. Фу Ичжэнь фыркнул: — Надо же набраться столько наглости: напасть на людей Императора!

Преследователи, однако, не выглядели ни смущенными, ни терзающимися своей дерзкой выходкой. Несколько из них, что стояли в первых рядах, переглянулись, и один спросил:

— Где паланкин?

— Ты говоришь с принцем! — взвился один из гвардейцев Пятого принца. — Пади низ, прежде чем сметь обращаться к Его Высочеству!

Мужчин в черном это, однако, совсем не заботило. Кони их нетерпеливо переступали с ноги на ногу, словно не были удовлетворены погоней и желали вновь броситься в будоражащую гущу боя. Тот же преследователь повторил:

— Говорите, где он, и останетесь живы, — тут же он добавил и в голосе его появилось пренебрежение. — Разве Ваше Высочество не дорожит своей жалкой жизнью?

— Изменники, что посмели напасть на Ее Высочество и этого принца, — холодно отозвался Фу Ичжэнь. — Спештесь и сдайте оружие и, быть может, Император проявит к вам снисхождение.

Мужчина покачал головой:

— Принц, не нужно оттягивать неизбежное: едва ли ваши защитники смогут уберечь вас. Это вам следует молиться о снисхождении сегодня...

— Паланкин мы уже упустили, — раздался вдруг новый голос с задних рядов преследователей и все иные воины тут же замолчали. Показалось даже, что они выпрямили спины, чтобы выказать почтение и послушание.

Душа господина Ли, что до этого на происходящее глядел внимательно, но непонимающе, похолодела, и он шепнул Пятому принцу:

— Хоу здесь.

В самом деле: иные воины расступились и вперед выступил гнедой жеребец, на котором восседал высокий, статный мужчина. Одежды его ничем не отличались от одежд подчиненных, а лицо было тем же образом скрыто — но когда Пань Тань поднял голову всем стали видны красивые черты его лица. В уголках глаз хоу не таяла извечная мягкая улыбка, но сами глаза не содержали в себе ни тепла, ни холода — ничего человеческого.

Маленький театр:

Фу Ичжэнь: Господин Ли, а могут твои бывшие не портить наши свидания?()

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1741903>